

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ДИСКУРСА «КУЛЬТУРА – ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – РАЗВИТИЕ»

Костыря И.А.

Киевский национальный университет культуры и искусств

Разработка категории «политическая культура» нашла отражение в многочисленных трудах ученых (Г. Алмонд (Almond G. A.), Э. Баталов, Дж. Берч, С. Верба, А. Вилдавски (Wildavsky A.), Ш. Волин (Wolin Sheldon), Д. Вуд, К. Гаджиев, К. Гирц, Р. Инглхарт (Inglehart R.), Р. Кларк, А. Мельников, Е. Ричард (E. Richard), М. Томсон (Thompson Michael). Они рассматривают ее определения, структуру, типологию, связи с политическим сознанием и поведением. Американские концепции политической культуры, и в первую очередь концепция Алмонда-Вербы, оказали влияние на становление и развитие мировой политической культурологии. Модель «когерентного синдрома», предложенная Инглхартом, представляется не менее уязвимой, чем модель гражданской культуры, созданная в начале 60-х годов Алмондом и Вербой. Итальянская парадигма Н. Боббио направлена против олигархического неокорпоративизма. Н. Боббио ожидает, что развитие демократии происходит в соответствии с либеральными принципами толерантности, плюрализма и минимального вмешательства государства в свободную экономическую инициативу, а также без нарушения «правил игры» демократии. Однако вопрос о том, какая политическая культура в наибольшей степени соответствует демократии, остается, по сути дела, открытым и, как представляется, не имеет однозначного решения, а не привязанного к конкретному пространству и времени.

**Ключевые слова:** политическая культура; демократия; государство; культура.

**Постановка проблемы.** Исследуется проблема генерирования концепций культурных образов для объяснения природы и проявлений поведения человека политического и творящего. Особенно полезной оказалась идея Мельникова А.П. [7] об основополагающих для исследований политической культуры индуктивных методов и идей социальной антропологии. В этой парадигме символ трактуется как ключевой элемент понимания культуры и, соответственно, природы и проявлений человеческого поведения.

**Анализ последних исследований и публикаций.** Американский исследователь К. Гирц концептуализирует культуру и определяет ее как совокупность значений, воплощенных в символических формах, включая действия, высказывания и значимые объекты разного рода. Посредством этих форм индивиды общаются друг с другом, обмениваясь опытом, разделяя представление и верование. Основным заданием анализа культуры становится объяснение значений, интерпретационная экспликация значений, воплощенных в символических формах [2, с. 24–26]. Мельников О.П. считает, что подобный анализ культуры схожим на интерпретацию литературного текста и не допускает исследования эмпирической закономерности. При изучении феноменов культуры, от исследователя нужно не столько внимание к классификациям, количественным характеристикам, поиску функциональных взаимосвязей, сколько чувствительность к выявлению значений, отделение неоднозначности смысла, умение проникать в суть того образа жизни, который преисполнен смысла и значений. По мнению К. Гирца, предмет политической культуры должны быть несильно поддающиеся перемене психологические установки, а фундаментальные представления, что лежат в их основе. Другими словами, общий, интегральный смысл политической культуры заключается не только в выяснении того, насколько эффективным является деятельность правительства. Речь должна идти о политической жизни в целом, начиная от

смысла общественного бытия, общих социальных приоритетов и завершая актуальными вопросами политики. Сторонники К. Гирца выделяют четыре основных аспекта трактовки политической культуры: 1) политическая культура рассматривается не как альтернатива рациональной поведения, а как форма рациональности как таковой – культурной рациональности; 2) формирование культуры происходит адаптивно. Люди формируют свою политическую культуру в процессе принятия решений. Постоянная актуализация и модификация отношений с властью и по поводу нее расставляет свои акценты в системе вкусов; 3) этносы в целом не являются представителями идеальных типов политических культур, так как каждой нации присуща своя определенная культура. В этой парадигме культурологических исследованиях выделяют информационно-знаковую или семиотическую концепцию культуры, представители которой рассматривают ее как информационный процесс, что протекает в форме трансляции программ деятельности, общения и поведения людей. Культурная информация представляется в данном случае в виде знаковой системы, в которой закрепляется разноплановый социальный опыт людей и происходит социализация индивидов. При этом информация отмечается не только в форме языка, но и в предметно-чувственных образах, в продуктах материальной культуры, которые, концентрируя в себе опытом предыдущей деятельности, выступают как средство сохранения и передачи информации. Говоря другими словами, семиотический подход к рассмотрению культуры связан с представлением о ней как о знаковой системе, что сохраняет в знаках и символах опыт поколений. Такое рассмотрение культуры позволяет по-своему выявить механизм социального подражания, через который каждое поколение людей усваивает самые важные социальные качества, материальные и духовные ценности общества. Выявление механизмов культурной динамики в семиотическом подходе является в определенных аспектах в до-

статочной степени производительным, но вместе с тем оно не обеспечивает целостного, универсального осмысления культуры как творческой деятельности человека [2].

Однако наиболее популярной в настоящее время выступает подход связанный с концепцией Г. Алмонда. Определение понятия «политическая культура» впервые было даный Г. Алмондом в 1956 р в статье «Сравнительные политические системы» [11; 22]. Под политической культурой Г. Алмонд вниманию образец ориентаций на политические действия, который отображает особенности каждой политической системы. Базируясь на идеях К. Клакхон, Н. Литтона, Т. Парсонса и др., Г. Алмонд пришел к выводу, что любая политическая система базируется на «особенной форме ориентаций на политические действия». Эту ориентацию или ориентацию на политике Г. Алмонд и назвал политической культурой [11, с. 38-39].

Классическое определение, данное Г. Алмондом совместно с Г. Пауеллом, звучит следующим образом: «Политическая культура – это образцы индивидуальных позиций и ориентаций относительно политики участников данной политической системы».

Специалисты в отрасли сравнительной политологии Дж. Берч, Р. Кларк и Д. Вуд проанализировали вышеприведенное определение политической культуры, данное Г. Алмонд и Г. Пауеллом, согласились с тем, что политическая культура – это образцы индивидуальных отношений и ориентаций к ряду политических объектов: (1) образцы, (2) отношения и ориентации; (3) политические объекты и комбинация их разных типов; (4) ограниченное число типов политических культур. Свое объяснение они начинают со второго понятия, утверждая, что отношения и ориентации в контексте индивидуальности, связанные с сферой индивидуальной психологии [1].

Аналитик А. Вилдавски [20] основной фокус анализа сосредоточивает на исследовании внутренних культурных отличиях страны. Он не отрицал значения межнациональной культурной компаративистики, но его подход базировался на таком подходе к национальным политическим культурам как к гетерогенные образования. Это нашло отображение и в его исследовательской программе, в которой он предлагал, в частности, «сравнивать скорее культуры, чем страны, или, чтобы быть более точным, сравнивать страны за контрастом характерных для них комбинаций культур» [20, с. 18]. Однако А. Вилдавски далеко не всегда проводит четкую грань между культурой как родовым явлением и политической культурой как разновидностью последнего. Он, конечно, дает определение политической культуры, характеризуя ее как «способ конституирования власти» и часто использует это понятие. А. Вилдавски дважды повторяет это определение. «Власть, – пишет он, – социальный феномен; поэтому власть конституируется культурой [20, с. 3]. Дальше, приводя определение демократии, данное Шелдоном Волином в его книге «Демократия и государство благосостояния» [21] – «демократия есть... способ конституирования власти». Также А. Вилдавски замечает, что «Волин определяет демократию, как я бы определил политическую культуру» [20, с. 17]. Это, понятно, не исключает

ет идентификации политической культуры как совокупность общезначимых ценностей. Однако вопросы о том, ограничивается ли политическая культура только политическими ценностями и что представляют собой последние, остаются без четкого ответа. Более того, создаваемую им концептуальную конструкцию он называет «теорией о том, как индивиды используют политическую культуру для развития своих предпочтений» [20, с. 3]. Однако рассуждение А. Вилдавски о культуре не завершается четким делением ее от политической сферы от общего целого. Так, определяя – «на уровне идей» – «программу в отрасли исследования политической культуры», он считает, что программа эта должна быть направлена на углубление «нашего понимания того, как избирается, поддерживается, изменяется и отклоняется, противостоит друг другу видение образов жизни» [20, с. 17]. Здесь не говорится о государстве, власти, политических позициях. Но такое же задание стоит в принципе и перед исследователем культуры как родового явления.

**Выделение не решенных проблем.** В контексте анализа вышеизложенного дикурса возможно определить трудности и неточности исследовательских позиций как А. Вилдавски, так и других авторов. Тут мы солидарны с точкой зрения исследователей Э.Я. Баталова и Майкла Томпсона, Ричарда Еллиса. Э.Я. Баталов [1] утверждает, трудности обусловлены, как представляется, по меньшей мере двумя причинами: (1) трудности разграничения общей и политической культуры. Майкл Томпсон и Ричард Еллис во вступлении в книге «Культурная теория» спрашивают: «Что... отличает культуру от политической культуры? Что означает [слово] «политический» в [словосочетании] «политическая культура»?», «Определение политической культуры как образцов ориентации на политическое действие или [политические] объекты не дает ответа на вопрос, что считать политическим... Если под «политическим» понимаются отношения по поводу власти, то в таком случае, нечего, что не было бы политическим, начиная от воспитания детей и кончая бракосочетанием и посещением школы. Если культура по существу является политической, то тогда срок «политическая» является избыточным» [19, с. 8]. Э.Я. Баталов также замечает в этой связи, что в приведенном выше определении политической культуры А. Вилдавски, рассматривая ее как источник власти, не уточняет, о которой власти идет речь.

М. Томпсон и Р. Еллис объясняют, что для избежания этой избыточности ряд исследователей политической культуры попробовали определить ее как «ориентацию относительно государственного управления, как чего-то отличного от экономики, религии или семьи. Это понятие включает установки относительно того, что правительство делает, так же как и относительно того, что люди, которые находятся за его границами, пытаются вынудить его делать. Однако все эти определения, подчеркивают М. Томпсон и Р. Еллис, доказывают только то, что «границы между политическим и неполитическим не высечены на камне и не присущие природе вещей».

Таким образом, своим отказом провести четкую демаркационную линию между «культурой»

и «политической культурой» А. Вилдавски зафиксировал одно важное обстоятельство, которое далеко не всегда учитывается политкультурологами: «определения политического сами несут на себе печать культурных страстей (are themselves culturally biased). Когда один человек обвиняет другую в «политизации» объекта, то в этом проявляются разногласия относительно того, насколько широкой должна быть сфера деятельности (writ) правительства. Конструирование границы между политическим и неполитическим является, таким образом, неотъемлемой частью борьбы между образами жизни.

Э.Я. Баталов считает, что концепция А. Вилдавски владеет в целом не меньшей (а в некоторых отношениях и больше) эвристической ценностью, чем теория Г. Алмонда и С. Вербы, хотя далеко уступает ей в популярности. Именно А. Вилдавски попробовал дать ответ (в какой-то мере – успешный) на сложный вопрос о том, откуда берутся те же «ориентации», «установки», «паттерны», из которых сотканная политическая культура. Одна из самых значительных заслуг А. Вилдавски в области исследования политической культуры заключается в том, что углубленное понимание феномена политического (в том числе и в культурном аспекте) он связывал – пусть не всегда последовательно – с выходом за пределы того, что традиционно идентифицировалось как «политическое» и отождествлялось, прежде всего (соответственно веберовской традиции) с властью – особенно государственной [1, с. 361].

Э.Я. Баталов также считает, что возрождению и последующему развитию политической (и не только политической) культурологии способствовал американский социолог и политолог Роналд Инглхарт, профессор Мичиганского университета, руководитель проекта «Мировое исследование ценностей (World Values Survey)». В 1977 году он публикует книгу «Молчаливая революция», которая кладет начало целой серии публикаций, в которой он разворачивает свою концепцию так называемых постматериалистических ценностей и их влияния на политический процесс и экономику. В частности в таких монографиях как «Культурный сдвиг в передовом индустриальном обществе», «Модернизация и постмодернизация», «Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития» (в соавторстве с Кристианом Велцелем), в таких публикациях как «Ренессанс политической культуры», «Культура и демократия» [16-18]. В противовес А. Вилдавски и другим вышеупомянутым авторам, которые выступали скорее как критики Г. Алмонда и С. Вербы, подчеркивая слабые стороны их концепции и претендовали на то, чтобы перевести политическую культурологию в новую плоскость, Р. Инглхарт, не отказываясь от претензий на новаторство, видит одним из своих заданий в том, чтоб доказать принципиальную концептуальную правоту авторов Г. Алмонда и С. Вербы. Он пишет, что некоторые общества в достаточно сильной степени характеризуются стойкой совокупностью ориентаций, установленной Г. Алмондом и С. Вербой. И что этот культурный паттерн демонстрирует сильную эмпирическую связь со стабильной демократией, даже когда принимаются во внимание

соответствующие аспекты социальной структуры и экономического развития. Практически все его основные работы и содержащиеся в них выводы и теоретические положения построены на основе обобщения данных, полученных в результате кросс-национальных исследований, которые были начаты в 70-х годах XX ст. В первую очередь исследовались европейские страны – Великобритания, Германия, Франция, Италия, Греция, Бельгия, Дания, Нидерланды, Ирландия, Португалия, Венгрия, Швейцария, США, Канада, Аргентина, Япония и др.) [16-18]. При этом Р. Инглхарт, как и Г. Алмонд с С. Вербой, к которым он постоянно обращается, рассматривает культуру как психологическое явление, и как Макс Вебер, которого он справедливо считает первым, кто, исследуя влияние протестантской этики на развитие капитализма, развивает теорию о роли культуры в социально – экономическом развитии. Свое исследование Р. Инглхарт строит в парадигме методологического индивидуализма.

Э.Я. Баталов отмечает, что в работах Р. Инглхарта – особенно в его исследованиях, посвященных эволюции социальных и политических ценностей в условиях постмодернизации и глобализации – получает последующее развитие заложенная в «Гражданской культуре» традиция сравнительного изучения политических культур разных стран. Причем, если Г. Алмонд и С. Верба выстраивали свою концепцию на основе одно-разового зондирования общественного мнения «пяти демократий», то возглавляемая Р. Инглхартом служба ведет постоянный глобальный мониторинг, что позволяет ему отслеживать динамику ценностных изменений и рассматривать политическую культуру как отдельных стран, так и «продвинутого индустриального общества» в целом в их эволюции. Идея взаимосвязи и взаимной детерминированности экономики и культуры (экономических и культурных изменений) – одна из базовых идей Р. Инглхарта. «...Обращение между экономическими и культурными изменениями – это не только испытывают влияние со стороны экономических изменений, но сами влияют на них» [16, с. 122].

**Постановка задания.** Таким образом возникает задание проверки декларируемого многими учеными культурного детерминизма развития. В этом контексте необходимо рассмотреть какие изменения предполагает экономическое развитие. Оно, как мы полагаем, тянет за собой изменения двоякого рода. С одной стороны, он оказывает непосредственное влияние на общество, трансформируя его социальную структуру, повышая жизненный уровень населения, стимулируя урбанизацию, содействуя развитию системы образования. И это, в свою очередь, готовит основу для культурных изменений. Но экономическое развитие может осуществлять и непосредственное влияние на культуру, формируя определенные культурные ценности – например, межличностное доверие. Однако главное, что интересует Р. Инглхарта, – это, конечно, влияние культуры на экономику и политику.

Хотя американский исследователь, правда, предостерегает против культурного детерминизма. Он считает, что верить в полный культурный детерминизм было бы таким же упрощени-

ем, как и вера в экономический детерминизм. Но предостережение это сделано как раз для того, чтобы лишний раз подчеркнуть значение культурного фактора, на роль которого, напоминает Р. Инглхарт, обратил внимание еще Макс Вебер.

Хотя Р. Инглхарт соглашается с классиками в том, что без наличия в обществе определенной политической культуры, которую он так же именуется «civic culture» – гражданская культура – и называет «когерентным синдромом» более-менее стойким состоянием сознания, который не имеет крепкой демократии. Все же Р. Инглхарт вкладывает в это понятие несколько другое содержание и понимает под «гражданской культурой» «стойкую совокупность ориентации, которая лишь приближенно (roughly) отвечает «civic culture» в парадигме Г. Алмонда и С. Вербы. Однако Р. Инглхарт не дает развернутых аналитических определений «политической культуры», как, впрочем, и «культуры» в целом. К тому же он не проводит четких границ между этими двумя феноменами. Однако, как считает Э.Я. Баталов, анализ его произведений и, в частности, неоднократно подтверждаемая им солидаризация с базовыми тезисами «Гражданской культуры» Г. Алмонда и С. Вербы дает основание утверждать, что под культурой Р. Инглхарт понимает совокупность ценностей, а точнее – ценностных паттернов, которые выступают в качестве психологических установок, которыми руководствуются индивиды, отдельные группы и общества или даже группы общества (регионы, или, как он говорит, «зоны»). В функциональном же плане культура рассматривается американским исследователем как «система адаптации общества к окружающей среде» [4]. В ней находит отображение исторический опыт нации, а «культурные компоненты... крос-национальных отличий отображают специфический (distinctive) исторический опыт соответствующих национальностей (nationalities)», который складывался в течение поколений и веков.

Что касается соотношения «культуры» и «политической культуры», то Р. Инглхарт часто использует эти понятия как взаимозаменяемые, хотя в отдельных случаях, как оказывается из контекста, «культура» трактуется им очень широко и явно выходит за пределы политического поля.

Исследователь А.И. Гусейнов [3] считает, что результатом формирования культуры является создание социального порядка, норм и ценностей, что регулируют повседневную жизнь, которые задают направление человеческой деятельности и исключают проявления дезорганизуемой стихии, основанной лишь на природных инстинктах. По мере использования людьми культурных элементов и комплексов возникает такое состояние, когда, вне воли людей, культура начинает управлять их действиями, активно влиять на их поведение, принимать участие в становлении упорядоченных социальных отношений. Так из потребностей рождаются требования, составные содержание социальных норм. Цель их – уберечь человеческие отношения от перерождения на «войну всех против всех» [3, с. 42].

**Основной материал исследования.** Далее необходимо учитывать тот факт, что эту логику, которая возникла в парадигме Т. Гоббса, уже отрегулировано в политическом процессе ряда партий Запада. В частности характерной чер-

той британской политической культуры является активная деятельность политических партий, общественных объединений и групп. Однако в наши дни граница между традиционными ценностями правых и левых сил оказываются настолько размытыми, что идеологические ориентиры лейбористов и консерваторов тяжело различить. Их цели становятся все более прагматическими, сводятся к обсуждению разных сторон управления, пустяков и деталей, а не к каким-то радикальным планам изменениям. Поэтому Великобритания является классическим типом стабильной двухпартийной системы «идеального типа» западной демократии [8, с. 104].

Важно отметить и такую черту английской политической культуры, как постепенный, эволюционный характер развития страны. После XVII ст. здесь не было никаких переворотов, революций и «прыжков». Новые политические элементы органически включились в традиционные политические структуры. Такие демократические институты, как монархия и палата лордов, обычное право и наследственное пэрство была сбережена и приспособлена к новым условиям, а не упразднена. Не случайно Великобритании принято считать моделью политической модернизации с «низкими расходами».

Французская же демократия «на протяжении 200 лет действовала не столько в рамках существующих форм, сколько «через их голову», время от времени ломая одни формы и создавая другие» [9, с. 194]. Отсюда и определенная фрагментарность формы традиционной политической культуры Франции. Стойкие разногласия по отношению к основным институтам политической системы долго не могли обеспечить ее стабильность и стойкость демократического процесса. Однако в настоящее время эта фрагментарность не вычерпывает ее содержания. Стойкие мировоззренческие позиции, что предопределяют политическое противостояние, все больше уравниваются в ней не меньше крепкими установками, что препятствуют социальному расколу, ограничивают опасный для общества идеологический активизм.

Исследователь П.А. Цыганков отмечает, что в настоящее время во французском обществе заметно падение интереса к так называемой «Революционной политической культуре». Радикальные доктрины и идеологии находят все более негативный отзыв в общественном сознании. Французские политологи пишут о возможности покончить с дихотомией деления политических сил на правых и левых. Падает престиж так называемых коллективистских ценностей даже у «международной политической культуре Франции» [10, с. 146-147].

Политическая культура современной Германии в настоящее время представляет собой противоречивое явление. Она включает у себя элементы разных политических культур. Воссоединение обоих немецких государств должно превратить их в единственную политическую культуру. Этот процесс гораздо более длителен, чем экономическая и социальная инкорпорация прежней ГДР к Федеральной Республике, ибо изменить давно вошедший в практику образ мышления и поведения намного тяжелее,

чем учреждения. В этом деле определяющую роль играют условия жизни людей. Чем быстрее уравниваются условия жизни в прежних землях ГДР с жизненными условиями остальной части Федеральной Республики, тем быстрее и политическая культура прежней ГДР приблизится к доминирующей политической культуре ФРГ.

Итальянская политическая культура складывалась во времена Возрождения, когда итальянский политический мыслитель Николо Макиавелли выступал против политической раздробленности, за сильную государственную власть. Наиболее знаменитое произведение другого участника культурного диалога, а именно Николо Макиавелли, это – «Il principe». Это произведение, что переводится как «Государь/Князь/Правитель», было написано в 1513 году и впервые опубликовано в 1532 году [6]. Отбросив все сверхчеловеческое, все сверхприродное, Макиавелли кладет в основу жизни родину. Назначение человека на земле, его самая первичная обязанность – это патриотизм, забота о славе, величии, свободу родины. Поскольку в те времена понятия родины не существовало, а понятие верности, подданничества касалось Государя, то Николо Макиавелли обратился к этой фигуре. Государь представляется Н. Макиавелли человеком успеха. Государь может ценить культуру и искусство, но не настолько, чтоб согласиться, что они должны и могут составить цель жизни. Главным фактором политического успеха Н. Макиавелли считал пересечение трех величин – «свойств времени» – «стратегии» – «успеха». Эта идея впоследствии была развернута в классической европейской философии политики XIX века в концепции «ответственности – политики – эффективности». Н. Макиавелли по сути дела стал первым европейцем, который преодолевает противоречие, заложенное в концепции «универсального человека». Макиавелли утверждает, что главное в политике – поиск адекватных методов – и – средств, что настоящим объектом политической рефлексии могут быть лишь «стратегии успеха». На передний план Н. Макиавелли выносит инновационную политическую стратегию как способ достижения успеха через использование в разных обстоятельствах разных средств. В XV-й книге «Государя» мы читаем, что государю, если он хочет удержаться при власти, необходимо научиться отступать от добра и пользоваться или не пользоваться этим умением, исходя из потребностей. Тайное содержание этого откровения Н. Макиавелли скрыто не столько в начале фразы («научиться отступать от добра»), сколько в ее завершении – «пользоваться или не пользоваться этим умением, исходя из потребностей» [6]. Н. Макиавелли пришел к выводу о необходимой связке триады понятий: (1) «реальность» – (2) «стратегия» – (3) «эффективность». Как видим, вместе с Н. Макиавелли европейская мысль уже не может воспринять эффективность иначе, чем путем рискованного вмешательства в ход событий; только такое вмешательство и может быть ответом на непредсказуемость событий, единственным шансом добиться успеха государству.

Такое позиционирование государства характерное для поклонника теории демократического

элитизма, истоком которого и имеется макиавеллизм. Таким образом характеризуют и государственную парадигму Норберто Боббио.

В контексте его теории во время празднования 150-годовщины итальянской государственности президент Джорджо Наполитано отметил, что единение нации, преодоление сепаратистских настроений, безответственности в политическом процессе к перспективам развития государства позволяет Италии продвигаться по пути к большей справедливости в лучшем мире. Действительно, Италия достигла определенных результатов и положения на международной арене. Италия является активным членом «большой семерки», ООН, НАТО, экспортер оборудования машиностроения. Итальянская культура, дизайн, мода, кухня всемирно признаны. Элита Италии, учитывая влияние католической церкви на настроения в стране, наладила на основе целого ряда правовых актов гармонические отношения с Ватиканом в условиях асимметричного характера процессов культурной глобализации [4].

Исследователи отмечают [7; 13-14], что чувствуется влияние на итальянскую политику и имперской идеи периода правления Бенито Муссолини. В силу своего универсализма эта идея противоречила идее нации-государства. Все это привело к тому, что тема сохранения государственного единства, а также усиление внешнеполитической самостоятельности внутригосударственных регионов Италии получила в 1990-2000-х гг. достаточную остроту. С одной стороны, современной Италии удалось избежать появления активных конфликтнонастроенных движений национальных меньшинств. Последним наиболее массовым проявлением таких настроений стало проавстрийское сепаратистское движение в регионе Трентино – Альто Адидже (Южном Тироле) в 1950-х – начала 1960-х гг. Тогда немецкими националистами в Италии был осуществлен ряд терактов, а целью террористов было отделение Южного Тироля от Италии.

Тогда, в 60-х годах XX века Норберто Боббио, профессор философии политики и философии права из Туринского университета начал диалог с П. Тольятти и Г. Вольпе о понимании свободы и связанной с этим пониманием проблеме отмирания государства (*estinzione dello stato*). Для перевода теоретических проблем в область практической политики, Н. Боббио было обосновано ряд идей о развитии теории демократии. Н. Боббио формирует формально-институциональное определение демократии как совокупность «правил игры», что было положительно оценено Ю. Хабермасом. Н. Боббио рассматривает понятие «парадоксы демократии» в контексте ряда противоречий: в трендах демократизации и бюрократизацией государства; демократии и развитием технократии. В 1984 р. Н. Боббио издает книгу «Будущее демократии» с подзаглавием «Демократия и интернациональная система». Деспотизм, по мнению ученого, является статическим, демократия же динамическая, адаптивная и плюралистическая. Под плюрализмом Н. Боббио в данном случае понимает не только наличие разных партий и идеологий, но также и деятельность конкурирующих элит. При этом, Н. Боббио выступает против олигархического неокорпоративизма. Н. Боббио ожидает, что развитие демократии про-

изойдет в Италии соответственно либеральным принципам толерантности, плюрализма и минимального вмешательства государства в свободную экономическую инициативу, а также без нарушения «правил игры» демократии [13-14].

**Выводы из исследования.** Вышеизложенное позволяет утверждать, что американские концепции политической культуры, и в первую очередь концепция Алмонда-Вербы, повлияли на становление и развитие мировой политической культурологии. Модель «когерентного синдрома», предложенная Р. Инглхарту, представляется не менее впечатлительной, чем модель гражданской культуры, созданная в начале

60-х годов Г. Алмондом и С. Вербой. Итальянская парадигма Н. Боббио направлена против олигархического некорпоративизма. Н. Боббио ожидает, что развитие демократии произойдет соответственно либеральным принципам толерантности, плюрализма и минимального вмешательства государства в свободную экономическую инициативу, а также без нарушения «правил игры» демократии. Однако вопрос о том, какая политическая культура в наибольшей степени отвечает демократии, остается, по сути дела, открытым и, как кажется, не имеет однозначного решения, не привязанного к конкретному пространству и времени.

### Список литературы:

1. Баталов Э. Я. Американская политическая мысль века / Э. Я. Баталов. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 616 с.
2. Гирц К. Интерпретация культур (Пер. с англ.) / К. Гирц. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 560 с.
3. Гусейнов А. И. Соционормативная сфера культуры / А. И. Гусейнов // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 35-50.
4. Зонова Т. В. Современная Италия – ключевые вопросы внутренней и внешней политики / Т. В. Зонова // Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе = Russia and the Apennines states in the contemporary world / [под ред. А. Громько]. – М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2012. – С. 43-49.
5. Мейер Г. Германия – одно государство, две политические культуры / Г. Мейер // Вестник МГУ. – Серия 12. – 1994. – № 4. – С. 66-79.
6. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 461 с.
7. Мельников А. П. Политическая культура в жизни общества: Учеб. пособие / А. П. Мельников, С. Ф. Сокол. – Минск: БИП-С Плюс, 2010. – 200 с.
8. Осипова Е. В. Социология политической культуры Великобритании / Е. В. Осипова // Социологические исследования. – 1992. – № 4. – С. 97-105.
9. Салмин А. М. Природа и роль базовых политических ориентаций (на примере Франции) / А. М. Салмин // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2005. – № 3. – С. 192-211.
10. Цыганков П. А. Политическая культура и национальные школы социально-гуманитарного знания (пример французской теории международных отношений) / П. А. Цыганков // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: Материалы «круглого стола». – М.: КДУ, 2009. – С. 144-145.
11. Almond G. A. Comparative Political Systems / G. A. Almond // Journal of Politics. – 1956. – № 18 (3). – P. 391-409.
12. Almond G. A., Powell G. B. Comparative Politics: A developmental Approach. – Boston, 1966.
13. Bobbio N. Il futuro della democrazia / N. Bobbio. – Einaudi, 2005. – 220 p.
14. Bobbio N. Liberta / N. Bobbio // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1978. – P. 994-1006.
15. Deaglio Mario Postglobal / Mario Deaglio. – Bari: Laterza&Figli, 2004. – 159 p.
16. Inglehart R. The Renaissance of Political Culture / R. Inglehart // American Political Science Review. – 1988. – Vol. 82. – P. 1204-1230.
17. Inglehart R. Value Change In Industrial Societies / R. Inglehart // American Political Science Review. – 1987. – Vol. 81. – № 4. – P. 1289-1303.
18. Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W. Baker // American Sociological Review. – 2000. – Vol. 65. – February. – P. 43-45.
19. Thompson Michael. Cultural theory. Political cultures / Thompson, Michael; Ellis, Richard; Wildavsky, Aaron Boulder, CO. – US: Westview Press Cultural theory, 1990. – 296 p.
20. Wildavsky A. Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation. P. / A. Wildavsky // American Political Science Review. – Volume 81. – Issue 01. – March 1987. – Pp. 3-21.
21. Wolin Sheldon. Democracy and the Welfare State: Theoretical Connections between Staatsrdsen and Wohlfahrtstaatrdsen / Sheldon Wolin // The Presence of the Past: Essays on the State and the Constitution. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. – Pp. 151-79.

**Костира І.О.**

Київський національний університет культури і мистецтв

## **ТЕОРЕТИЧНІ ПАРАДИГМИ ДИСКУРСУ «КУЛЬТУРА – ПОЛІТИЧНА КУЛЬТУРА – РОЗВИТОК»**

### **Анотація**

Розробка категорії «політична культура» знайшла відображення в численних працях вчених (Г. Алмонд (Almond G. A.), Е. Баталов, Дж. Берч, С. Верба, А. Вілдавські (Wildavsky A.), Ш. Волін (Wolin Sheldon), Д. Вуд, К. Гаджієв, К. Гірц, Р. Інглхарт (Inglehart R.), Р. Кларк, О. Мельников, Е. Річард (E. Richard), М. Томсон (Thompson Michael)). Вони розглядають її визначення, структуру, типологію, зв'язки з політичною свідомістю і поведінкою. Американські концепції політичної культури, і в першу чергу концепція Алмонда-Верби, вплинули на становлення і розвиток світової політичної культурології. Модель «когерентного синдрому», запропонована Інглхарту, представляється не менш вразливою, ніж модель громадянської культури, створена на початку 60-х років Алмондом і Вербою. Італійська парадигма Н. Боббіо спрямована проти олігархічного неокорпоративізму. Н. Боббіо очікує, що розвиток демократії відбудеться відповідно до ліберальних принципів толерантності, плюралізму і мінімального втручання держави у вільну економічну ініціативу, а також без порушення «правил ігри» демократії. Однак питання про те, яка політична культура найбільшою мірою відповідає демократії, лишається, по суті справи, відкритим і, як видається, не має однозначного рішення, не прив'язаного до конкретного простору і часу.

**Ключові слова:** політична культура; демократія; держава; культура.

**Kostyrya I.A.**

Kyiv National University of Culture and Arts

## **DISCOURSE THEORETICAL PARADIGMS «CULTURE – POLITICS CULTURE – DEVELOPMENT»**

### **Summary**

Development of the «political culture» category is reflected in numerous scientific works (G. Almond, E. Batalov, S. Verba, A. Wildavsky, Wolin Sheldon, D. Wood, K. Hajiyevev, Inglehart R., R. Clark, A. Melnikov, E. Richard, M. Thompson). They study its definition, structure, typology, and ties with political consciousness and behaviour. American concepts of the political culture, and especially Almond-Verba's concept greatly influenced the formation and development of the world political culture studies. The «coherent syndrome» model proposed by Inglehart, seems to be no less vulnerable than a model of the civic culture, offered by Almond and Verba in early 60s. The N. Bobbio's Italian paradigm is directed against oligarchic neo-corporatism. N. Bobbio expects that the democracy development takes place in accordance with liberal principles of tolerance, pluralism and minimal government interference into free economic initiative, without breaking the «game rules» of the democracy. However, the question what kind of the political culture mostly meets the demand of the democracy is, in fact, still open, and does not seem to have a unique solution, and is not tied to a particular time and space.

**Keywords:** political culture; democracy; state; culture.